

ГЛАВА 1

— Эмили, тебе письма! — Ронда, вручив мне стопку конвертов, улыбнулась и пошла разносить почту дальше.

Сегодня она была дежурной и помогала нашей директрисе, мадам Фоббс. Сейчас все воспитанницы пансиона сидели в общей гостиной, и подруге не пришлось бегать по нашему двухэтажному корпусу: все ее адресаты оказались в одном месте.

Письма были уже вскрыты и прочитаны нашей директрисой, дабы ни одна нежелательная строчка не проскользнула мимо ее бдительного взгляда и не смутила покой воспитанниц. Поэтому мне осталось лишь достать первое письмо из конверта и начать чтение. И тут же слегка помятые страницы выпали из моих рук, потому что в них сообщалось, что мой опекун, дядюшка Олаф, скончался, и новым опекуном станет какой-то мистер Фиггинс. Первый раз слышу эту фамилию! Кто это вообще?

Собрав листы с пола, я закрыла глаза и медленно вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться. Я видела дядюшку Олафа всего пару раз, но за

последние годы он заботился обо мне лучше, чем того заслуживала малознакомая дальняя родственница. Благодаря ему я училась в превосходном пансионе, а мои платья на балах, куда нас вывозила мадам Фоббс, были ничем не хуже, чем у других девушек. Может, я хотя бы успею попасть на похороны, чтобы отдать дань уважения?

Вчитавшись в письмо от поверенного дядюшки Олафа заново, я с сожалением узнала, что его похоронили еще неделю назад, а мне просто забыли сообщить — пока из пансиона не пришел очередной счет, и поверенные не вспомнили, что неплохо бы поставить меня в известность.

— Бедный дядюшка Олаф, — пробормотала я. — Нужно написать его дочерям письма с соболезнованиями.

Теперь аномальная толщина стопки писем стала понятна — наверное, это были соболезнования мне. Однако, вопреки ожиданиям, второе письмо оказалось посланием от моего нового опекуна, мистера Фиггинса. Вздохнув, я поднесла первый лист к глазам, но уже через несколько секунд вскочила на ноги, потому что в письме мистер Фиггинс в самых вежливых выражениях приказал мне выйти за него замуж. В следующие выходные.

— Да как он смеет! — с возмущением прошипела я.

Незнакомый мне пока мистер Фиггинс вряд ли влюбился в меня с первого взгляда, так как мы никогда не встречались. Скорее, приступив к опе-

кунству и изучив, сколько приносит мое поместье и удачно вложенные дядюшкой Олафом средства, он решил не упускать плывущий ему в руки куш. А тот скоро должен был так же стремительно из них уплыть, потому что через два месяца мне исполнится восемнадцать лет, после чего потребность в опекуне отпадет.

Нужно поговорить с мадам Фоббс, решила я и, не откладывая в долгий ящик, направилась в директорский кабинет. Мадам всегда хорошо ко мне относилась... Может, она сумеет помочь?

Дорога до кабинета казалась бесконечной. Наконец я постучала в тяжелые двери из темного лакированного дерева и, получив разрешение, зашла внутрь.

— Увы, ничего сделать нельзя, — развела руками почтенная дама, выслушав мой сбивчивый рассказ. — С точки зрения закона, он имеет полное право заставить свою подопечную выйти замуж за того, кого считает наиболее подходящей для нее партией.

— Может, вы хотя бы знаете, как он выглядит? — с совершенно несчастным видом спросила я. — Сколько ему лет?

Может, этот Фиггинс молод и хорош собой?

— Вроде бы я о нем что-то слышала, — мадам Фоббс задумчиво побарабанила пальцами по подбородку. — Да, точно, мне о нем рассказывали. Боюсь, он старше тебя раза в три, и у него уже взрослые дети твоего возраста.

Кошмар! Мало того что этот тип, судя по всему, намеревается прикарманить мои средства, так он еще и почти старик! И не стыдно ему?

— Однако, — тут мадам Фоббс, кашлянув, бросила грозный взгляд на свою секретаршу, и та тут же упорхнула из кабинета, — до твоего совершеннолетия осталась всего пара месяцев. Может, тебе есть у кого временно погостить? Какие-нибудь дальние родственники, у которых тебя не станут искать?

Я задумалась. Родственников у меня мало, а тех, у которых меня не будут искать, и вовсе нет. Однако... мне могли помочь друзья! Точнее, друг.

— Вот и славненько. — Поняв, видимо, по моему посветлевшему лицу, что я нашла решение, директриса встала. — Знаешь, на этой неделе я буду водить всех учениц на прогулки в парк. А у меня в последнее время такое плохое зрение, что я не вижу дальше собственного носа, — посетовала мадам Фоббс, и я, поняв, о чем она, горячо поблагодарила и, присев в книксене, покинула комнату.

Если я поняла все правильно, мадам Фоббс намекает на побег. Да это же гениальная идея! И я даже знаю, кто мне поможет и у кого можно будет спрятаться, — у моего друга детства, Генри Кармайкла.

В общем, я решила поступить как настоящая женщина и перевалить свои проблемы на мужчину. Однако для этого мне требовалось для начала с ним встретиться. Поэтому, когда в этот же

день после обеда мы стройной колонной выдвинулись из пансиона в парк, я была начеку.

Мадам Фоббс шла впереди, словно ледокол, раздвигая в стороны редких прохожих, а мы гуськом следовали за ней. Все воспитанницы носили одинаковые голубые жакеты, одинаково скромно смотрели в землю и вызывали одинаковое одобрение проходящих мимо джентльменов. На одного из них — зеленоглазого шатена в безупречном темном пальто и шляпе — я выразительно посмотрела и несколько раз кивнула в сторону парка. Он, кивнув в ответ, тут же изобразил скучающий вид. Однако я знала, что едва наша группка скроется за поворотом, как он понесется по проулкам огромными прыжками, чтобы прибыть на наше место раньше меня. Генри всегда бегал быстрее, чем я.

В парке, как обычно, мы размеренно пошли по дорожке, подстраиваясь под шаг мадам Фоббс. Директриса, верная своему обещанию, смотрела на облака, на птичек — куда угодно, только не на нас. Стоило нам поравняться с клумбой пышных роз, как я, приотстав, в два шага скрылась за ними и пробралась по знакомой дорожке среди густой растительности.

— Генри, ты уже тут! — обрадовалась я, выходя из-за деревьев к беседке, густо обвитой плющом. — Мне срочно нужна твоя помощь!

Мой друг, подпирающий стену беседки, отлепился от нее и пошел мне навстречу. Каждый раз удивляюсь, как он вымахал за последние пару лет!

Я еще помню времена, когда мы с Генри были одного роста, а теперь моя макушка едва достает ему до плеча.

— Что такое? В пансионе опять объявили диету перед балом? Ты же знаешь, я всегда готов прийти на спасение даме, — шутливо отозвался Генри, протягивая мне пакет с эмблемой кондитерской. Заглянув в него, я с благодарностью посмотрела на друга:

— Спасибо! Шоколадные, мои любимые!

— Я не зря ношу почетное звание лучшего друга, — хвастливо заявил он, и я стукнула его перчаткой, чтобы не зазнавался.

— Генри, у меня проблемы посерьезнее диеты на овсянке, — трагично произнесла я, деловито запихивая пакет в карман: в пансионе у меня были подружки, которые тоже хотели пирожных. Карман от этого криво вспучился, но ничего, как-нибудь протащу контрабанду в пансионат, не впервой. — Мой опекун, дядюшка Олаф, умер... А новый, какой-то мистер Фиггинс, требует, чтобы я вышла за него замуж!

— Что? — Генри, до этого слушающий меня со спокойным выражением, дескать, какие могут быть проблемы у девушки, округлил глаза. — Он что, может просто так взять и потребовать?

— Да, — уныло подтвердила я. — Мадам Фоббс сказала, что по закону до своего совершеннолетия я должна его слушаться. А до этого целых два месяца, он десять раз успеет взять меня в жены!

— Тогда выходи быстренько за меня, — предложил друг, и тут округлила глаза я.

— Ага, а потом ты влюбишься и будешь обвинять меня в том, что из-за меня не можешь взять свою избранницу в жены, — скептически отозвалась я. Да и мне хотелось выйти замуж по любви, а не за Генри. Не то чтобы он был плох, просто... это же Генри! Лучший друг, которого я знаю с пеленок. Мы вместе лазали на чердак и пугали служанок, набросив простыни на голову и притворяясь привидениями. Если я до сих пор не влюбилась, то этого уже точно не случится.

— Кстати, — оживился Генри, и его глаза загорелись в предвкушении. — Как тебе Китти Ватсонс, с которой я танцевал третий танец на последнем балу? Одобряешь?

Подумав пару минут, я безапелляционно бросила:

— Нет. Ты ее не любишь.

— Это почему? — возмутился он. — Я чувствую себя очень даже влюбленным! Вчера я почти написал грустный стих. Хочешь, продекламирую?

— Потому, — наставительно ответила я, садясь на скамейку перед беседкой и чувствуя себя ужасно умудренной опытом. Опыт был не моим собственным, а позаимствованным из книг, ну да ладно. — Потому что когда ты по-настоящему влюбишься, то приведешь свою даму сердца ко мне и скажешь: «Вот моя невеста. Я люблю ее и собираюсь жениться, и тебе придется принять

мое решение». И не будешь спрашивать моего мнения. Вот тогда я пойму, что ты действительно влюбился.

— И откуда в тебе столько мудрости? — притворно восхитился Генри и нажал мне на нос, чтобы не зазнавалась. — Ладно, так что будем делать с твоим женихом-опекуном? Может, сбежишь из своего пансиона и поживешь в моем городском особняке? Хотя нет, там тебя быстро найдут. Тогда давай я сниму тебе тихий домик в пригороде! Переждешь чуть-чуть, и будешь свободна от всяких Фиггинсов.

— О, отличная мысль! — обрадовалась я. Сама я до совершеннолетия не могла распоряжаться ни центом, поэтому предложение друга было весьма кстати. — И еще мне понадобится служанка, и кухарка, и...

— Ничего не выйдет, — вдруг перебил меня Генри, и нарисовавшиеся перед моим мысленным взором служанка с кухаркой растаяли, как дым. — Тебя будут искать, а магический поиск сразу же покажет, где ты. Поэтому нужно спрятаться в месте, где из-за магических колебаний поиск сбоят и человека невозможно обнаружить.

— А что это за места? — деловито спросила я. Генри учился в самой настоящей магической академии, и в вопросах магии ему можно было довериться. У меня тоже имелся дар, но в нашем пансионе уделяли больше внимания вышивке, чем заклинаниям.

— Тюрьма, дворец, дом для душевнобольных магов, — с воодушевлением перечислил Генри, плюхаясь рядом со мной и загибая пальцы. Я скривилась — попасть в одно из этих мест было невозможно, а в остальные как-то не хотелось. — О, и магические университеты и академии тоже! Там столько магов в одном месте, что заклинание поиска просто не работает. Придумал! — Он вдруг развернулся ко мне со вспыхнувшим энтузиазмом во взгляде, и я поежилась. Последний раз, когда я видела этот взгляд, мы сбежали поглазеть на ярмарку, и потом меня на месяц оставили без сладкого. — Ты можешь поступить в мою магическую академию!

— Генри, — я мягко улыбнулась. Мадам Фоббс учила нас, что, когда мужчины говорят глупости, им нужно противостоять с улыбкой, — но... это же мужская магическая академия!

ГЛАВА 2

— Вот именно! — Генри воздел палец к небу, словно призывая его в свидетели своей гениальности. — Девушку там искать не будут! Переоденешься в мужской костюм — и сойдешь за адепта академии. Помнишь, какой миленький из тебя получился пастушок на домашнем спектакле два года назад?

Вообще-то это было два года назад, как он верно отметил. Я недовольно засопела. Кое-кто мог бы

сделать вид, что за последние два года я так расцвела, что теперь уж меня за пастушка не примут. Хотя, конечно, если не надевать корсет, а наоборот, обмотать талию полотенцем, чтобы казалась шире, и надеть тугое белье...

— Нет, — одумавшись, я покачала головой. — Меня же поселят в одну комнату с мужчинами! Моя репутация будет разрушена, не говоря уже о том, что они мигом меня разоблачат.

— Поселишься со мной, — предложил друг, — а я это время стану ночевать в своем городском особняке, старшекурсников отпускают. Будешь одна в комнате, и никто тебя не побеспокоит!

А ведь если я буду жить одна, то риск гораздо меньше... Я могу просто сидеть целый день в комнате, ну и изредка ходить на занятия. Мне же не важны оценки? Вот и стану неуспевающим студентом, зато через два месяца выйду на волю, то есть из академии, уже свободным человеком, которого никто не заставит выйти замуж!

— А документы? — вдруг вспомнила я одно немаловажное обстоятельство.

— О, как тебе повезло, моя дорогая Эмили! — Генри с достоинством поклонился, словно ему всю рукоплескала восторженная публика. — Ведь у меня есть знакомый, у которого есть знакомый, который может добыть что угодно. Будут у тебя документы.

— Фальшивые? — возопила я и тут же, оглянувшись, перешла на шепот: — Генри, тебе не

нужно водиться с такими знакомыми! Пообещай, что ты не будешь иметь с ними дела!

— Пообещаю сразу после того, как добуду тебе фальшивый паспорт и метрику, — заверил Генри. — Ну так что, согласна на эту авантюру?

Я напряженно размышляла. Конечно, будь у меня возможность спрятаться в женской академии магии, все было бы гораздо проще. Но, к сожалению, в Эггериионе учиться в университетах и прочих академиях могут только мужчины. Женщинам же уготована судьба хранительниц очага, и образование, по мнению большинства, нам ни к чему. Так что и выбора, где прятаться, у меня особо не оставалось. Генри прав. Когда этот мистер Фиггинс поймет, что все денежки, поместья и земли, уже было оказавшиеся в его руках, могут так же быстро из них выскользнуть, он не поскупится и пустит по моему следу магов. И если я не спрячусь в академии, то найдут меня быстро.

— Я согласна, — храбро заявила я. Если правда откроется, то моя репутация будет разрушена, и ни один приличный человек не станет со мной даже здороваться. А если я не решусь на эту авантюру, то скоро стану миссис Фиггинс — и тогда даже все приличные люди мира, здоровающиеся со мной с утра до вечера, покажутся слабым утешением. Однако, посмотрев на Генри, я заметила в его взгляде не восхищение моим мужеством, а скепсис.